

КИРА РАМИС

КРЫЛЬЯ
ПО РЕЦЕПТУ

Кира Рамис

Крылья по рецепту

«Автор»

2026

Рамис К.

Крылья по рецепту / К. Рамис — «Автор», 2026

Знаете, к чему приводит несоблюдение техники безопасности на рабочем месте? К разному. Но в моём случае — к попаданию в новый мир и чужое тело. Была пустышкой, а стала магическим лекарем. Казалось бы — живи да радуйся. Магия, драконы, красивые платья. Но нет. В один прекрасный день на мою голову свалился целый генерал империи: как пациент — несносен, как человек — ужасен. И ведь не откажешь в лечении, хотя так хочется. А может, мне самой пора к лекарю? Сердце что-то странно колотится.

© Рамис К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	16
Глава 6	19
Глава 7	22
Глава 8	24
Глава 9	26
Глава 10	28
Глава 11	31
Глава 12	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Кира Рамис

Крылья по рецепту

Глава 1

— Диана, сестрёнка, умоляю, открой глазки...

Тихий детский всхлип пробрал до глубины души.

— Дианочка, открой глазки... я подарю тебе свою саблю и деревянную лошадку...

— Госпожа, уведите ребёнка. Поздно. Её не вернуть, — с грустью констатировал мужской голос.

— Тео, иди в свою комнату, — резко потребовал неприятный женский голос. И тут же добавил: — Что я сейчас скажу мужу? Кто будет убираться в доме?

На фоне детского плача в моей груди поднималось горячее, злое негодование. И поверх чужих голосов билась одна-единственная ясная мысль, короткая, как формула:

«Конденсаторы не разряжены. Я умерла».

Закашлявшись под визг трех голосов, я резко села и медленно открыла глаза.

В голове ровно, тонко гудело на одной ноте, как будто в черепе забыли выключить трансформатор.

— Диана!

Детский голос сорвался на счастливый всхлип, пробившись сквозь звон в ушах. Я с трудом повернула голову.

У кровати, уткнувшись подбородком в жёсткий край одеяла, на коленях стоял мальчик лет семи. Тёмно-русые вихры торчали во все стороны, как будто он теребил волосы пальцами. Огромные карие глаза были красными, опухшими, по щекам тянулись две ровные мокрые дорожки. Он с силой сжимал край одеяла.

— Ты живая, — прошептал ребенок. — Я знал... я знал, что ты жива.

«Живая», — отозвалось где-то глубоко внутри, и почему-то предательски защемило в носу.

За его спиной, прислонившись плечом к стене, стояла женщина. Лет сорока, худая, с острыми плечами, в темном глухом платье. Правильные черты лица, высокие скулы, темные волосы, гладко собранные в тугий узел на затылке; пожалуй, ее можно было бы назвать красивой, если бы не губы. Тонкие, поджатые, они складывались в вежливую улыбку, от которой веяло холодом. И смотрела она на меня так, словно я была мухой, которую она прихлопнула, а та вдруг ожила.

«Виенна Морис», — услужливо подсказала чужая память и тут же, извиняясь, опустила голову.

— Вы кто? — прохрипела, обводя взглядом комнату.

Вопрос вырвался сам собой. И тут же всплыло имя женщины, словно я её откуда-то знала.

— Нет, вы только послушайте, доктор! — Виенна всплеснула руками, обращаясь к человеку невысокого роста с потрёпанным саквояжем, стоявшему в углу комнаты. — Она решила притвориться, что потеряла память! Книжек начиталась, Диана? Упала с трёх ступенек в подвале — и вот тебе трагедия вселенского масштаба. Ни синяка, ни шишки, хоть с лупой ищи.

— Госпожа Виенна, прошу вас, не кричите, — устало попросил доктор. — Ваша дочь только что пришла в себя. Можно сказать, вернулась с того света...

— Падчерица, — отчеканила Виенна.

Верхняя губа на мгновение дрогнула и приподнялась, скривившись, словно ей предложили попробовать уксуса. Одно слово, а как будто щелкнула пальцами по носу.

«Ну что ж, добро пожаловать в новую семью, Диана Синичкина», — мрачно подумала я.

Доктор неопределенно хмыкнул, обошел мальчика и склонился над кроватью. От него пахло дешевым табаком и какими-то травами.

— Что-то болит, госпожа?

— Голова, — честно ответила я.

Мальчик — Тео, — мягко подсказала память, — тут же осторожно погладил меня по руке, словно боясь, что от прикосновения мне будет больно.

— Неудивительно, — кивнул доктор. — С лестницы, да по каменным ступеням... Переломов я не обнаружил, так что, скорее всего, это была временная потеря сознания. Попейте микстуры, полежите два дня в постели и...

— Какие ещё два дня? — Виенна всплеснула руками так, будто доктор предложил ей лично отнести меня на руках в императорский дворец. — А кто работать будет, доктор? Кухарка?

— Дело ваше, госпожа, — голос доктора стал на полтона суше. — Но девушке нужно хотя бы до завтра отдохнуть и усиленно питаться.

«Усиленно питаться», — мысленно повторила я и едва не усмехнулась. Судя по запаху в комнате, «усиленным» здесь считалось питание, в котором в капусту добавляли ложку масла.

— Мамочка, пожалуйста, — тихо произнёс Тео.

Он поднялся с колен, все еще держась за край одеяла, и посмотрел на Виенну снизу вверх — словно его умоляющий взгляд мог переменить настроение матери. Я внутренне напряглась: сейчас она накричит и на него. Но мачеха лишь поморщилась, словно проглотила несвежую устрицу.

— Хорошо, до утра, но ни минутой дольше, — и тут же, повернувшись к доктору: — Выписывайте лекарства подешевле, у нас тут не монетный двор.

Глава 2

Дальше они о чем-то говорили, кажется, об оплате, об очередном визите, но я уже не слушала. Веки налились свинцом, голос Виенны превратился в ровный гул, и в этом гуле, словно на второй дорожке плохо смонтированной записи, снова зазвучало другое.

Гудение люминесцентных ламп. Потрескивание конденсаторов, словно стрекот сверчков в траве. Черные окна, в которых отражается только моя сутулая спина за столом с разложенными тетрадами.

«Еще одну серию замеров, — говорю я кому-то через плечо. — Если сейчас не закончим, Виктор Палыч нас завтра съест».

Скрипнула дверь — там, в лаборатории, и здесь, в чужой комнате, одновременно.

Я медленно опустила на подушку и закрыла глаза.

Дверь закрылась, и стало тихо.

И вот тогда меня накрыло.

Я вцепилась пальцами в виски, словно хотела удержать череп, который вот-вот треснет. Хотелось кричать — от ужаса, от злости, от такой острой, детской жалости к себе, что в горле встал ком размером с кулак.

— Не может быть, — шептала я в подушку, — не может. Это же чистая фантастика, перемещений в другие миры просто не существует, ведь есть закон сохранения массы, закон сохранения энергии, и теоретически подобное исключено, а уж эмпирически — тем более.

Я была физиком и знала, о чем говорю.

Но внутри меня, где-то под рёбрами, сидел очень неприятный внутренний голос. Он держал в руках красную сигнальную лампочку и настойчиво ею мигал. «Произошло, дорогая. Произошло. Именно с тобой».

Почему я была так уверена?

Потому что помнила все. Слишком отчетливо — так, как помнят только то, от чего хочется отвернуться.

Лаборатория. Поздний вечер. Лена на минутку вышла в уборную — «пора закругляться, домой хочется», — и не успела дверь как следует скрипнуть, как она распахнулась снова. Без стука.

Сергей. Однокурсник, который никогда не слышал слова «нет», — из любого разговора выходил с улыбкой, как будто мы просто о чем-то договорились. «Два билета, хорошие места, партер». Шаг ко мне. Еще шаг. Руки на плечах. Пальцы, нащупавшие пуговицу халата.

И мое — резкое, холодное, идущее из самой глубины — *«нет»*. Толчок обеими ладонями, злобный, настоящий. Его качнуло назад, он нелепо взмахнул руками. Я уперлась в стол, задела локтем стойку, и толстый черный провод с потрескавшейся изоляцией соскользнул с держателя, лег поперек столешницы оголенной медной жилой вверх.

«Стой! Здесь установка под напряжением, не лезь...»

Он не услышал. Никогда не слышал. Шагнул ко мне, схватил за запястье и потянул на себя. Я инстинктивно рванулась в сторону, как зверь из капкана. Нога зацепилась за ножку стула. Я упала спиной на стол и успела лишь подумать, коротко и ясно:

«Конденсаторы не разряжены».

Левая ладонь — на металлической станине. Правая — на оголенной медной клемме конденсаторной батареи.

Мир вспыхнул.

Боли не было. Показалось, будто меня всю, от пяток до макушки, одним коротким рывком выдернули из тела. Словно кто-то щелкнул огромным выключателем, и свет, звуки, мысли,

Сережа, лаборатория, гудение ламп, запах озона, крик где-то далеко в коридоре — все сжалось в одну белую точку и погасло.

При таком разряде через сердце не выживают. Я знала.

Подушка под щекой была старая, жёсткая, пахла пылью и старым бельём. В эту подушку я и заплакала — беззвучно, как плачут взрослые, стесняющиеся собственных слёз.

Папа... Брат... Бабушка... Дедушка...

Кто им позвонит? Как им сказать? Я представила лицо папы, когда он снимет трубку, и у меня перехватило дыхание. Представила бабушку — она сядет на табуретку в коридоре, как всегда делает, когда приходят плохие новости, и будет долго-долго молчать, прижимая к груди вафельное полотенце. А брат... брат стиснет зубы и станет тем, кем и должен быть старший. Опорой.

«Держись, Витька, — подумала я, уткнувшись в подушку. — Держитесь там все. Не знаю, услышите ли вы меня, но я очень вас прошу».

Жаль. На его свадьбу я так и не попала.

А пока я плакала, в висках, словно кто-то аккуратно раскладывал по полочкам чужой архив, всплывали воспоминания. Не мои. Тёплые, печальные, слегка выцветшие по краям, как старые фотографии.

Этот мир, комната и жёсткая подушка принадлежали Диане Морис, девятнадцати лет. Тёмно-русая коса, серо-голубые глаза, тихий голос. Девочка, которая, как и я, когда-то потеряла мать. Только ей повезло меньше: отец, думая сделать «как лучше», привёл в дом другую женщину с двумя дочерьми. Хотел дать Диане семью, а вышло ещё хуже.

«Тёзка, — горько подумала я. — Надо же. Обе Дианы, обе без мам. Видимо, судьба решила сэкономить на именах».

Дверь тихо, чуть виновато скрипнула.

— Сестра, — шёпотом, — я принёс, пока мама не видела.

Я подняла голову. Тео стоял у кровати, держа обеими руками маленькую глиняную кружку. В кружке лениво колыбался бульон — мутный, желтоватый, с плавающими волокнами, — от него слабо тянуло куриным жиром. Но мальчик держал её так, будто нёс мне кубок из императорской казны.

— Спасибо, Тео, — я попыталась улыбнуться и протянула руку, чтобы коснуться детской макушки. Волосы у него были мягкие, как у птенца. — Я сейчас не хочу. Правда.

— Я всё равно оставлю, — он поставил кружку на шаткую тумбочку. — Ты обязательно выпей потом, Ди. Доктор сказал, что нужно купить лекарства, но матушка так и не пошла за ними.

Мальчик помолчал, опустив глаза.

— Я стучал к отцу в кабинет, но он не открыл.

«Не открыл», — эхом откликнулась чужая память, и в этом «не открыл» было столько горечи, что мне захотелось разреваться заново — уже не за себя, а за Диану и этого мальчика.

Отец Дианы — наш с ней, теперь уж — лорд Амброс Морис, когда-то был, судя по всему, ослепительно красив. «Когда-то» — ключевое слово. Теперь он тихо жил в своём кабинете, как улитка в раковине: редко выходил, ничем не интересовался, ни во что не вмешивался. Настоящая, затяжная меланхолия, какую в моё время называли бы депрессией и, возможно, даже попытались бы лечить. Здесь же его просто оставили угасать. А мачеха, пользуясь этим угасанием, расправила плечи и прибрала к рукам и дом, и деньги, и право голоса.

Я окинула взглядом комнату и криво усмехнулась.

Что ж, судьба, благодарю за щедрость. Уже одно перемещение в другой мир было подарком поистине царским, но ты решила превзойти саму себя и поместила меня не в тело нищей

крестьянки и даже не в тело служанки, а в тело дочери лорда — настоящей аристократки, благородной леди.

Браво.

Правда, лорд оказался опальным, земли его конфисковали, должность отняли, а часть доходов ушла в казну вместе с правом голоса в Совете. За что именно, память подсказывала размыто: то ли Амброс Морис оказался не на той стороне в какой-то дворцовой интриге, то ли ляпнул лишнее кому-то из сильных мира сего. Результат один: семья сослана на задворки империи, в старую родовую усадьбу, и доедает, в прямом смысле, последнюю «мебель».

Я осмотрела комнату повнимательнее.

На стенах темнели ровные прямоугольные пятна, оставшиеся там, где когда-то висели картины. Шкаф с резными дверцами стоял пустой, и на полках виднелись лишь полосы пыли: книги ушли раньше картин, видимо, за хлеб. Кровать, на которой я лежала, была добротной, резной, явно дорогой. А вот то, на чём я лежала, давно перестало быть периной. Скорее всего, её тоже продали, а взамен бросили что-то жёсткое, набитое не то соломой, не то конским волосом.

«Дом, где распродали всё, кроме фамильной гордости», — подвела я итог.

И тут меня догнала следующая мысль — такая светлая, что я даже приподняла голову.

Мир магический.

Я покосилась на Тео. Надеюсь, хоть в этом мне повезло? Может, в нагрузку к титулу, долгам и мачехе судьба выдала мне какую-нибудь эффектную магию? Стихийную, боевую, да хоть бытовую — уже хлеб. Или, на худой конец, косметическую: чтоб прыщ перед балом одним движением замаскировать.

Чужая память услужливо зашелестела страницами, и очень быстро нашла нужную.

Магия в семье была у всех без исключения. Сильнее же всего ею владел отец: его дар был боевым, редким и оттого особенно ценным. Таких, как лорд Амброс, империя охотно забирала в армию и назначала на высокие посты.

Мачеха обладала слабой бытовой магией из разряда той, что позволяет почистить серебро, не расходуя щётки. Старшая, Люсиль, красавица с характером избалованной канарейки, умела наводить иллюзию на лицо, делая его ещё чуть прекраснее; на что-то большее у неё не хватало ни резерва, ни усидчивости. Младшая, Майра, магию тоже имела, но ленилась её развивать: тихая шестнадцатилетняя девочка с повадками мышки и взглядом исподлобья.

Взгляд мой скользнул вниз. Тео всё ещё сидел рядом, опустив голову на край матраса. Тёплый, доверчивый комочек.

Тео повезло меньше всех.

Магия у него была, и она же его медленно убивала. Не потому что дар «не тот» или «не подошёл». Что-то было не так с самим магическим ядром: словно провод с дефектной изоляцией, по которому всё равно пустили ток. Постоянные приступы слабости, дыхание, которое иногда сбивалось среди ночи, прозрачная кожа на висках.

«Не жилец до десяти», — бросили небрежно когда-то столичные лекари.

Живи Морисы в столице, имей они прежний доход и связи, за Тео взялись бы лучшие. Возили бы по клиникам, нанимали бы магов-лекарей, заказывали бы артефакты. А сейчас...

Сейчас у него есть старая глиняная кружка с бульоном и сестра, которая, кажется, только что вернулась из подвала с того света.

Что-то во мне — то ли моё, то ли уже не моё — сжалось тугим узлом.

— Тео, — я снова погладила его по голове. — Иди к себе, я устала, и ты перенервничал. Тебе надо отдохнуть.

Мальчик поднялся неохотно, но не отошёл.

— Диана... — он сглотнул. — А с тобой точно всё будет хорошо?

И добавил тише, почти выдохнул:

— Ты больше не потеряешься? Не оставишь меня?

На тёмных ресницах снова повисли крупные, детские слёзы, из тех, что заставляют взрослых давать клятвы, которые они потом не имеют права нарушать.

— Нет, Тео, — голос дрогнул. — Не оставлю. Я тут, и никуда не уйду. Иди спать, и я посплю.

Он кивнул по-взрослому, будто скрепил договор печатью, и вышел, оставив дверь приоткрытой: чтобы полоска света падала на подушку и в случае чего можно было прибежать.

«Его комната рядом», — мягко добавила чужая память.

«Я знаю», — ответила я еб ий уже почти как своей.

Я почти закрыла глаза, когда передо мной открылась самая горькая страница архива. Диана Морис родилась совсем без магии. Редкий случай. В этом мире такое было клеймом пострашнее бедности: ни одна приличная семья не взяла бы бесплодную на дар невесту, ведь какой смысл, если дети пойдут пустые? А о драконах и говорить нечего: они если и снисходили до человеческих женщин, то лишь до сильнейших магинь.

Теперь мне стало понятно, почему лорд Амброс не защищал родную дочь от мачехи, почему смотрел на неё холодно, словно на досадную ошибку судьбы. Становилось ясно и то, отчего всё хозяйство — полы, стирка, сад — легло на тонкие запястья девятнадцатилетней девочки, а не на плечи сводных сестёр: первую наследницу рода без магии в этом доме держали за прислугу.

«Поздравляю, Диана Синичкина, — подумала я устало. — Ты попала в тело аристократки, без магии и приданого. С мачехой-гарпией, отцом-призраком, двумя сводными, скажем аккуратно, прелестницами и больным братом, которого лекари уже списали в расход. Никаких плюшек перемещение не завезло. Даже пирожок, судя по бульону, прогорклый».

Я невольно усмехнулась в подушку. Сарказм — он ведь тоже лекарство. Иногда единственное, которое под рукой.

Уже проваливаясь в тяжёлый, мутный сон, я в последний раз подумала о тех, кто остался на другом конце обрыва. О папе, который будет по ночам выходить на балкон и подолгу смотреть в темноту. О бабушке с её вафельным полотенцем. О дедушке, который никогда не заплачет при других. И о старшем, упрямом, но надёжном брате.

«Витя, — прошептала я беззвучно. — Будь у них за двоих, я тебя очень прошу».

За стеной тихонько кашлянул Тео.

И я, физик, прагматик и до невозможности упрямая девушка, впервые в жизни честно сказала себе: обратного пути, кажется, правда нет. А значит, придётся обустраиваться тут.

Глава 3

Сон не приходил, а пробирался сквозь меня медленно и мучительно, будто был колючим, душным, набитым соломенной трухой. Я ворочалась, сминая жёсткую простыню, и каждое движение отдавалось в боку тупой болью, словно всю ночь меня месили чьи-то грубые ладони. Проваливаясь в короткое забытье и тут же выныривая обратно, я слушала, как дышит ночной дом. Где-то на первом этаже размеренно тикали часы, за стеной тихонько посапывал Тео, а под окном, в тёмных зарослях шиповника, выводил свою скрипучую, одинокую песнь сверчок.

Под утро, когда серый рассвет только-только начал размывать черноту за стеклом, меня накрыло липким, душным кошмаром.

Я стояла у входа в подвал. На стене подрагивал магический светильник, должно быть, единственный уцелевший в доме. Его не продали вовсе не из сентиментальности и не потому, что пожалели, а потому что кому и зачем нужна лампа, которая вместо ровного света выдаёт нервное, больное мерцание.

В подвал вёл узкий каменный проём, и за ним тонули в полумраке ступени, которые Диана Морис знала наизусть до последней трещинки. Я сделала шаг вниз, и тревога вошла холодом под диафрагму. В голове зазвучала высокая и тонкая нота, словно кто-то водил смычком по единственной струне виолончели, и струна эта натягивалась до звона, до самого предела, за которым уже только разрыв.

Скрипнуло. Но каменные ступени ведь не скрипят.

Что-то скользнуло сзади по шее, ледяное, влажное и неживое, будто прикоснулись пальцы утопленника. Я рванулась вперёд, и тут же поняла, что нога ушла в пустоту. От низкого каменного свода отразился мой собственный крик, и я полетела вниз, в гулкий колодец темноты.

Кто-то тряс меня за плечо, настойчиво и грубо, выдёргивая из липкой паутины сна. Я распахнула глаза, чувствуя, как сердце колотится в горле и перекрывает дыхание.

Надо мной склонилась незнакомая девушка. Копна золотисто-русых волос, уложенных в слишком старательные для такого раннего часа локоны, высоко вздёрнутый подбородок и тонкие губы, растянутые в брезгливой усмешке, в дорогом, идеально скроенном платье цвета морской волны, и пахло от незнакомки цветочной водой, кажется, ландышем. Вся она походила на дорогую фарфоровую статуэтку, которую по досадной ошибке занесли в сарай.

Чужая память отзывалась тяжёлым, неприязненным толчком под рёбрами: старшая дочь Виенны, избалованная канарейка в позолоченной клетке.

— Долго спать будешь? — процедила девица, выпрямляясь и встряхивая пальцами так, словно только что прикоснулась к чему-то по-настоящему грязному. — Матушка велела передать, что пора работать. Или ты думала, после вчерашнего представления тебя на руках носить станут?

Я медленно села на постели, стряхивая с себя остатки кошмара и пытаюсь совместить в голове это надменное лицо с нужным именем. В голове ещё шумело после падения, но не настолько, чтобы я забыла уроки хорошего тона. Впрочем, в это утро мне было решительно не до них.

— Люсиль, — произнесла я хриплым ото сна голосом. — Тебя стучаться не учили?

Девица замерла, и в её серо-зелёных глазах мелькнуло неподдельное удивление, смешанное с мгновенной острой злостью. В руках она держала ворох нежно-розовой ткани, судя по всему, одно из своих платьев. Она явно не ожидала, что пустышка, лежавшая вчера без сознания, сегодня осмелится огрызаться в ответ.

— Ты неожиданно вспомнила, что ты леди? — Люсиль скривила губы, точь-в-точь повторяя мимику матери. — Вот только служанок в доме больше нет. — Она выдержала крохотную

паузу, смакуя момент, и улыбка её стала шире, приобретая оттенок гаденького, мелочного торжества. — Кроме тебя, разумеется.

Она брезгливо швырнула розовую ткань на мою кровать, и та осела лёгким невесомым облачком.

— Платье погладь, пока я завтракаю, — бросила она через плечо, уже направляясь к двери. — И будь так любезна, не вздумай его испортить.

Дверь за ней закрылась с тихим, ехидным щелчком.

Несколько секунд я смотрела на розовый шёлк, расплывшийся по одеялу лужицей клубничного сиропа, а потом неожиданно для себя усмехнулась. Усмешка вышла кривая, но на удивление живая. Голова почти не болела, только в теле поселилась знакомая ломота, будто после долгой тренировки. Я прислушалась к себе и поняла, что живот предательски тянет от голода, а значит, завтрак сейчас нужен мне куда больше, чем Люсиль её выглаженное платье.

Ванная комната, согласно услужливой памяти тела, находилась как раз через коридор, наискосок. Я поднялась и вышла.

Ванная оказалась неожиданным островком прежней роскоши посреди увядающего дома. Просторная комната с высоким окном, затянутым матовым стеклом, была выложена бледно-зелёной плиткой, а в центре, на гнутых золочёных ножках, покоилась глубокая медная ванна. Белая раковина с изящными кранами в виде львиных голов мирно соседствовала с большим зеркалом в потемневшей от времени бронзовой раме.

Я скинула пропахшую потом ночную сорочку и с наслаждением повернула вентили. Из крана полилась тёплая, почти горячая вода, и это казалось самым настоящим чудом. Тело, словно только и ждало этой минуты, благодарно обмякло, стоило мне погрузиться в воду. Я закрыла глаза и почувствовала, как напряжение, копившееся в мышцах, медленно растворяется без следа. Пот, страх, ледяное прикосновение каменных ступеней во сне, всё уходило, смывалось прозрачной пеной. В небольшом настенном шкафчике обнаружились два жёстких, но чистых полотенца. Одно я закрутила на голове тяжёлым тюрбаном, вторым насухо вытерлась и подошла к зеркалу.

Из глубины затуманенного стекла на меня смотрела я сама. Только чуть моложе и словно прорисованная более тонким, уверенным карандашом: те же серо-голубые глаза, только ярче, тёмно-русые волосы, только длиннее и гуще.

Я прищурилась и тут же рассмеялась тихим смехом. Отражение не расплылось, не ушло в мутную дымку. Оно дышало чёткостью. Каждая ресничка, словно тушью прорисованная. Каждая крохотная веснушка на крыле носа, как крошка корицы на молоке. Очки не нужны, глаза видели идеально. Надо же. Диана Морис, приятно познакомиться лично.

Радость этого открытия слегка поутихла, когда я сообразила, что чистая одежда осталась в спальне, а я стою здесь, закутанная в одно лишь полотенце. Подхватив брошенную сорочку, я осторожно приоткрыла дверь, выглянула в пустой коридор и бесшумной белкой метнулась к себе в комнату.

Шкаф встретил меня глухой, пыльной пустотой. Я перебирала скудное содержимое полок с чувством нарастающего, почти комического абсурда: две пары нижнего белья, одни чулки со шпоткой и ветхая ночная рубашка. Ни корсажа, ни юбки, ни блузы. Ровным счётом ничего.

Мой взгляд упал на серую тряпку, скомканную в углу под стулом. Вчера в этом платье Диана Морис летела вниз по каменным ступеням. Память услужливо подкинула убийственный факт: оно было единственным.

Я поджала губы, чувствуя, как внутри медленно закипает холодное, чистое возмущение.

— Ну нет, — прошептала я вслух пустому шкафу. — Так не пойдёт.

Я надела свежее бельё и тонкую хлопковую сорочку до середины бедра, а затем решительно подошла к кровати, где по-прежнему лежало розовое платье Люсиль. Оно оказалось

чуть длинновато, но не критично. Шитьё по подолу дышало настоящей столичной дороговизной. Возмутительная, конфетная, почти девчачья вещь, зато совершенно чистая и целая.

Я натянула платье, ткань скользнула по плечам прохладным шёлковым ветерком и легла почти идеально. Расправив складки и одёрнув лиф, я хмыкнула своему отражению в мутном зеркале шкафа.

— И гладить не надо. Чего тут гладить-то?

Гребень из обломанной слоновой кости нашёлся на подоконнике. Я кое-как расчесала мокрую тяжёлую гриву и оставила её сохнуть свободным плащом за спиной. В конце концов, мокрая голова, рассудила я, не повод умирать с голоду.

Спускаясь по лестнице на первый этаж, я слышала, как на кухне гремели посудой, тянуло запахом каши и чьих-то цветочных духов, острым, горьковатым ароматом.

Я толкнула дверь в столовую.

Разговоры оборвались так резко, будто кто-то щёлкнул невидимым выключателем. За длинным исцарапанным столом сидели четверо. Приборы перед ними были из дешёвого олова, тарелки простые, глиняные, и только перед Виенной красовалась чашка из тонкого фарфора с потускневшей позолотой.

Майра — как услужливо подсказала память, младшая дочь Виенны — поднесла к губам чашку с чаем, так и застыла. Взгляд исподлюбья, плечи втянуты, ни дать ни взять мышка, которую застукали на пути к сырной корке.

Люсиль поперхнулась и выронила ложечку с мёдом, та звонко ударилась о блюдо.

— Мама! Матушка! — раздались одновременно два девичьих голоса, один возмущённый, второй почти испуганный.

Я стояла в дверях, залитая утренним светом из окна, в розовом платье столичного кроя, с мокрыми волосами цвета тёмного мёда, рассыпанными по плечам, и с прямой, словно клинок, спиной.

Леди Виенна медленно подняла взгляд от тарелки с овсянкой. На её лице не дрогнул ни один мускул, но глаза, холодные, как донышко старого колодца, вдруг потемнели ещё сильнее.

Глава 4

Виенна не торопилась. Не отводя от меня взгляда, она аккуратно донесла ложку до рта, прожевала, опустила прибор на край тарелки. Потянулась к салфетке...

— Мама, это моё платье!

Люсиль подскочила, ножки стула противно проехали по полу. Метнув на мать быстрый обиженный взгляд и не получив в ответ ровным счётом ничего, тут же развернулась ко мне. Тонкие пальцы вцепились в край стола, на щеках расплылись неровные красные пятна.

— Сними! Сейчас же сними, Диана!

Я заметила, как у Виенны на одно короткое мгновение дрогнул уголок рта. Люсиль шагнула ко мне, словно на самом деле собиралась сорвать с меня платье. Её взгляд скользнул по моему телу и задержался на талии. Она прикусила губу. Розовый шёлк, думаю, сидел на мне намного лучше, это и бесило сестрёнку Дианы.

— Какая же ты всё-таки бессовестная, Диана... — почти шёпотом, как будто сама себе, произнесла Майра и вновь опустила взгляд в тарелку.

Хотелось ответить сразу двум сёстрам, но не успела: мачеха опередила.

— Диана, — ласковый голос скользнул в мою сторону. — Мне кажется, ты что-то перепутала.

Голос был ровный, гладкий, как лёд под белыми коньками.

— Доброе утро, матушка, — улыбнулась я, чуть наклонив голову. — Не думаю, что перепутала. Я спустилась к завтраку.

— К завтраку, — повторила она задумчиво. — В платье моей дочери, с мокрой головой и без чулок. — Виенна помолчала. — Скажи мне, дитя: ты, должно быть, всё-таки сильно ушиблась вчера в подвале?

Мягко, почти заботливо уколола мачеха.

— Ушиблась, матушка, — согласилась я, усаживаясь на свободный стул. — Поэтому, видимо, зрение подводить стало. Представьте себе, в моём шкафу не оказалось ни одного платья. Ровным счётом ни одного. — Я налила себе воды, сняла крышку с супницы и положила в чистую тарелку немного каши. — Кроме вот этого, которое любезно принесла мне утром Люсиль.

— Я принесла его погладить! — взвилась Люсиль. — Погладить, а не...

— Ах, погладить, — я развела руками с искренним сожалением. — Прости, дорогая сестра. Я, наверное, и впрямь сильно ушиблась: не только зрение пострадало, но и слух.

— Осмелела? Забыла, что твоё место на кухне? Розовый шёлк не для тех, у кого нет магии и приданого, — Виенна на миг замолчала и, добавив в голос заботы, продолжила: — Если у тебя нет своей одежды, Диана, я с радостью подберу тебе что-нибудь... подходящее. — Лёгкий взмах пальцев в воздухе, словно она перебирала наряды в шкафу. — О, вспомнила: в чулане, кажется, оставались мешки из-под муки. Они вполне подойдут, твой фасон. А розовое тебе не идёт.

— Матушка, но Диана очень красивая в этом платье, — прошептал Тео.

Виенна недовольно посмотрела на сына, но промолчала.

— Но ходить в рваном грязном платье по дому как минимум неуважение к семье, да и разве я могу отказываться от подарков? Люсиль, а ты сегодня ещё принесёшь для меня платье? Хотя, — я взяла ложку и зачерпнула кашу, — можешь и завтра принести с утра.

Мой намёк поняла вся женская половина семьи.

— Матушка, — взвизгнула Люсиль, — сделай что-нибудь!

— А мешки из-под муки оставьте для хозяйственных нужд, драгоценная матушка. Уверена, Майра с Люсиль умеют с ними обращаться не хуже меня, — я закончила говорить и принялась за кашу.

Сестрички перевели вопросительный взгляд на мать. Она дала волю эмоциям, щёлкнула пальцами, и моя тарелка резко взмыла вверх, перевернулась, и всё содержимое оказалось на моей голове, медленно стекая по волосам.

— Диана, ты, кажется, замаралась. Поднимись на второй этаж, умойся, постирай платье, а потом можешь вернуться на кухню. Там твоё место. Надеюсь, ты помнишь, какая работа тебя ждёт? А если не сделаешь, то пеняй на себя.

В памяти совершенно не всплывали никакие воспоминания, связанные с наказаниями.

— Матушка, что-то вы побледнели, не перенапрягайтесь, а то сляжете в магической горячке, — название болезни само появилось в голове. Было ли такое на самом деле, не знаю, но Виенна поднесла ладонь к лицу, словно хотела удостовериться, что горячки нет.

— Твой отец узнает о неподобающем поведении, — вскинув подбородок, Виенна опустила руку. — Давно пора тебя выдать замуж. Лорд Виктор, мой троюродный дядюшка, недавно потерял третью жену, стоит ему написать письмо. Он в возрасте, дети выросли, так что не будет придирается к тому, что ты без магии и денег, зато молодая.

— Матушка, у вас, я слышала, изжога по ночам, — я промокнула салфеткой кашу со щеки так же неторопливо, как она недавно промокала губы. — Это от яда. Он плохо усваивается, особенно если принимать помногу и каждый день.

Ноздри Виенны чуть дрогнули.

— А что до лорда Виктора и письма, — продолжила я ровно, — то, боюсь, придётся вас огорчить. Письма о замужестве единственной дочери лорда Амброса и его покойной супруги, леди Аннелизы, пишутся не мачехами за завтраком. Их пишет отец. И, кажется, до сих пор он подобных писем не писал. — Я улыбнулась мягко, почти ласково. — Не знаю, как вам, матушка, а мне это о многом говорит.

В столовой стало очень тихо.

— И ещё, — я поднялась со стула, придерживая подол, — угрожать наследнице рода, которая вчера едва не погибла в собственном доме... это, знаете ли, как на коньках по тонкому льду кататься.

Я с колотящимся сердцем поднималась по лестнице. Конечно, никакого платья отдавать я не собиралась; если получится, то ещё немного проряжу шкафы сестрёнок. Смотри-ка, как напряглась мачеха Дианы. Похоже, она ранее пробовала выдать девушку замуж, но не получилось.

Глава 5

Кухню я нашла сразу, ноги леди Морис помнили дорогу, да и запах свежееиспечённого хлеба, аромат томлёного лука с травами уверенно указали на светлую дубовую дверь.

Быстро сполоснувшись, я привела в порядок платье, замыв капли каши на воротнике и подоле. Полностью постирать решила к вечеру или как освобожусь. Не идти же на обед в одной ночной рубашке.

Кухня встретила меня светом и теплом. Высокое окно выходило в ухоженный сад, вдоль стен теснились глиняные горшочки и связки сушёных трав. У дальней стены дышала жаром каменная плита.

Спиной ко мне стояла Бригитта, помешивая что-то в кастрюле.

Кухарка дома Морис была невысокого роста, полноватой, со светлым пучком на затылке, который сейчас был скрыт под белой косынкой.

Она обернулась на скрип двери, и её круглое, простое, чуть покрасневшее от жара лицо мгновенно осветилось тревогой.

— Леди Диана! — она бросила полотенце на стул. — Мне Тео уже всё рассказал! Ну-ка садитесь, садитесь сюда, моя госпожа.

Оказывается, в доме есть человек, который к Диане обращается «леди» и на «вы».

Её мягкие руки легли на мои плечи. Женщина прищёлкнула пальцами в воздухе, и с полки, чуть качнувшись, плавно поднялось мягкое, свежее льняное полотенце.

Я невольно вздрогнула от удивления, магия завораживала. Полотенце, как живое, скользнуло Бритте в руки, тёплое, сухое, словно только что снятое с печи. Память тут же подкинула факт: Бригитта обладала бытовой магией, но у кухарки её было ещё меньше, чем у Виенны. Ровно столько, сколько нужно хорошей хозяйке: чтобы молоко не убежало, тесто поднялось вовремя, а полотенце подогрелось. Мелочь, а какая нужная магия.

— Ходить по дому с мокрой головой — это ж простуду себе зазывать, — приговаривала Бритта, бережно набрасывая полотенце мне на голову. — Я-то сама, конечно, всегда говорю: лучше волосам своим ходом высохнуть, и блеск тогда, и мягкость... Да только леди давно пора обедать, а вы тут сидите голодная. Так что уж простите мне такую вольность, несколько минут, и готово.

Её ладони двигались уверенно и спокойно. От этих движений шло простое тепло, что я невольно прикрыла глаза. Так бабушка вытирала мне волосы после бани, с заботой и любовью.

— Леди... — я тихо пробормотала, открывая глаза. — Леди в розовом платье с чужого плеча.

Бритта весело фыркнула за моей спиной.

— Ах, моя госпожа, леди делает не платье, — она убрала полотенце. — Леди — это то, как вы спину держите. — Бритта легонько подтолкнула меня между лопаток, как бы напоминающая. — А платье... платье и впрямь барышни Люсиль, тут уж не поспоришь. Только вам оно куда больше к лицу, простите мне мою прямооту.

Я улыбнулась и спросила то, что вертелось на языке с того момента, как я открыла пустой шкаф:

— Бритта, скажи, а что случилось с моими платьями? Неужто и впрямь продали? После вчерашнего падения мысли в голове путаются, сколько ни силюсь вспомнить — не могу.

Бритта горько вздохнула.

— Ах, моя бедная госпожа, надеюсь, пришедший лекарь обнадёжил и хорошие лекарства выписал... — она погладила меня по плечу. — Самые дорогие — да, продали. Бархат, шёлк, два ваших бальных платья, всё, чем баловал вас отец-батюшка ещё в столице. А остальные... — она на мгновение замолчала. — Остальные перекочевали в гардеробы молодых бары-

шень. Мачеха ваша так распорядилась. Сказала: пустышке, что по дому убирает, и двух смен за глаза хватит. Только одно платье совсем в ветошь пришло, а второе...

— А второе вчера замаралось, да порвалось на ступенях подвала, — тихо договорила я.

— Так и есть, госпожа, — печально подтвердила Бритта.

Две смены. Два платья на всё.

И Диана это терпела?

Я не знала, что поразило меня сильнее — холодная мелочность мачехи или безропотность девушки, которая ходила в серой застиранной тряпке, пока сводные сёстры вертелись перед зеркалом в её собственных платьях. Терпение? Затравленность?

Почему в этом мире так относятся к людям без дара? Даже собственный отец охладел к дочери, едва в доме появилась Виенна. Что она там ему нашёптывает наедине?

— Стало быть, моя одежда никуда из дома не уходила, — медленно произнесла я.

Бритта наклонилась к плите, подбросила в топку полено и обыденным тоном добавила:

— Часть платьев и сейчас в постирочной висит. Вы их вчера до обеда сами и стирали.

К вечеру должны бы уже высохнуть.

Я тихо выдохнула. Это же просто замечательно.

Бритта поставила передо мной густой, янтарный луковый суп, чуть сладковатый от долгого томления, ломтик свежего хлеба я взяла сама. Суп был невероятно вкусным, я съела всё до последней капли.

Бритта, прижимая руки к груди, с любовью в голосе произнесла:

— А вы сегодня совсем другая, госпожа.

— В каком же это смысле, Бригитта?

Она пожала плечами и принялась обстоятельно протирать стол.

— Да в самом простом. Вчерашняя бы Диана не вышла к завтраку, а сразу бы прошла ко мне на кухню. А вы взяли и проявили смелость. — Бритта посмотрела на меня с тёплой, чуть печальной улыбкой. — И даже после того, как вас облили кашей, не плачете в своей комнате, а вы вон сидите, суп едите с улыбкой. Я уж было подумала: видать, услышали наверху мои молитвы. Наконец-то вы вспомнили, что вы наследница этого дома, леди.

Я не нашлась, что ответить, и просто улыбнулась в ответ. Потому что наверху, скорее всего, были ни при чём. Если кого винить, то меня, снявшую перчатки, конденсаторы и дурака Сергея.

Допив чай, я поднялась.

— Спасибо, Бритта, твой суп оживляет, силы появились на борьбу.

— Идите уж, идите, моя госпожа, — отмахнулась кухарка, но щёки её порозовели от похвалы.

Постирочную я нашла быстро, да и вообще, кажется, начинала привыкать к этому странному двоемыслию, когда ноги ведут сами, а голова едва успевает удивляться. Маленькая каморка в цокольном этаже, рядом с подвалом, но, к счастью, отделённая от него глухой стеной. Дверь открылась без скрипа: петли здесь были смазаны, Бритта следила и за этим.

Под низким потолком, на туго натянутых верёвках, висели платья.

Я насчитала пять.

Три из них были моими. Я поняла это сразу — по длине рукава, по обхвату талии, по покрою. Сняв их с верёвки, осмотрела, симпатичные, с красивой вышивкой.

У стены стояла гладильная доска и тяжёлый утюг, который удивил своей конструкцией. Я уж думала, что придётся сей агрегат нагревать на плите, но память напомнила, что тот работает не без помощи магии: внутри был вставлен небольшой накопитель в виде чёрного квадратного камня, больше похожего на уголь.

Поднявшись в свою комнату, тут же переоделась, оставшиеся наряды, включая розовое платье, убрала в шкаф. И только пусть попробуют его...

Додумать мысль не успела, дверь резко распахнулась, на пороге стояла испуганная, да, мне не показалось, испуганная Виенна.

— Тео опять плохо! — она посмотрела на платье, в которое я переоделась, но ничего не сказала. — Ты меня не слышишь? Чего замерла, корзину в руки и сейчас же в лес иди!

С моих губ чуть не соскользнуло «зачем?», но перед глазами мгновенно замелькали картинки: тяжело дышащий Тео... Диана, идущая по лесу...

У девушки был дар находить нужные лекарственные травы. Она ни разу не вернулась с пустыми руками.

А вот лекарство, облегчающее состояние мальчика, Виенна варила сама, никому не доверяя, тратя все магические силы на него, после сутки-другие отлёживаясь в комнате.

— Иди! — мачеха сунула мне в руки клочок бумаги. — Сегодня нужно побольше собрать, зелёная сильверра совсем закончилась.

— Хорошо, пойду, — неуверенно сказала я. — Но может, кто-то из сестёр со мной пойдёт?

Диана, может, и хорошо помнила дорогу в лес и обратно, а я вот как-то не надеялась на чужую память, она не всегда подсказывала, а если и подсказывала, то как-то размыто.

— Да ты совсем с ума сошла сегодня? — Виенна впервые повысила голос. — Хватит глупости морозить. Тебе лучше не злить меня! Твоему брату плохо! А всё из-за тебя. Ему нервничать нельзя, а ты вздумала по лестницам летать!

Глава 6

В комнату Тео я забежала на секунду, проверить его состояние. И если всё совсем плохо, то бежать за врачом, а не в лес за травами. И всё же где-то глубоко внутри я знала горькую правду: будь от доктора хоть какой-то толк, Виенна, не задумываясь, отдала бы последнее, что есть в доме, лишь бы сын был здоров.

Тео лежал на спине, вытянувшись в струнку, и был бледен, на висках голубовато просвечивали венки, ресницы подрагивали. Мальчик дышал часто, неровно, с лёгким присвистом, словно в груди что-то надломилось и теперь мешало набирать воздух.

Я опустила руку на колени у кровати — точь-в-точь как он вчера у моей — и провела ладонью по спутанным волосам. Чуть наклонилась, чтобы коснуться губами прохладного лба.

— Я скоро вернусь.

Тео не ответил. Но ресницы дрогнули, кажется, услышал.

Я поднялась и, не оборачиваясь, вышла. За дверью привалилась спиной к стене и размеренно досчитала до десяти. Почти помогло.

Внизу, в прихожей, уже ждала плетёная, с затёртой ручкой, корзина. Бритта постаралась. Под тряпицей лежали нож с костяной рукоятью, моток бечёвки, чистая ветошь для трав и медная фляжка, наполненная холодной колодезной водой.

Взяв корзину, я толкнула входную дверь.

Двор встретил меня запахом прогретой солнцем земли и цветущего шиповника. Под ногами хрустнул гравий. Диана заботливо выпалывала лишнее, подсыпала дорожку, подвязывала ветки кустов.

Сад был прекрасен. Старая яблоня раскинула узловатые ветви, и в густой листве уже проглядывали крохотные зелёные завязи. Куст шиповника у скамейки цвёл вовсю, роняя бледно-розовые лепестки на деревянное сиденье. Чуть поодаль темнели ровные огородные грядки: капуста, незнакомые корнеплоды с фиолетовой ботвой, кустики пряных трав. Всё с заботой прополото и полито.

Как только Тео станет получше, выйдем с ним пить чай в сад, а пока нужно спешить.

Лес начинался сразу за покосившейся изгородью. Я перешагнула через поваленный штакетник и вошла под зеленые кроны.

Лес пах хвоей, травами и чем-то пряным. Я набрала полную грудь воздуха, на мгновение зажмурилась и медленно выдохнула. Под ногами пружинил мох странного голубовато-серебристого оттенка, мягкий, как дорогой бархат. Не удержалась, провела по нему ладонью.

Именно такие моменты и дают понять: всё случившееся — правда. Чужой мир, чужое тело, чужой лес. Незнакомый, но прекрасный. Он жил своей дикой жизнью: над головой гудел шмель, в траве щёлкал невидимый жук, в ветвях заливалась пичуга.

Я развернула клочок бумаги, что сунула мне Виенна. Названия были на местном языке, но читались легко: стоило задержать взгляд на строчке, и за ней проступал образ самого растения — листья, стебель, форма корня. Чужая память отзывалась послушно, без запинки. Странно помнить то, чего никогда не знала.

Я свернула бумажку и сунула в карман платья.

— Ну что, Диана Морис, будем искать, где тут твоя сильверра.

Я аккуратно пошла по едва заметной тропке, что вилась между замшелых стволов.

Страшно было, но не так, как в том подвальном сне. Тот страх был липкий, гнал бежать без оглядки. А этот мелкий, дёрганный. Где-то ухнула птица, и я вздрогнула. Под ногой хрустнула ветка, снова дёрнулась. Корень вылез поперёк тропы, и мне на секунду показалось, что это чья-то рука. Я ведь и в обычном-то лесу была от силы пару раз, за грибами с бабушкой в

детстве. А тут чужая чаша, и я в ней одна. А вдруг сейчас из-за дерева выйдет кабан? Или кто похуже, кого в этом мире я даже назвать не смогу?

Зелёную сильверру я нашла у корней старого дуба, на поляне с замшелым валуном посередине. Серебристая изнанка листьев выдавала её сразу, даже в густой тени под ветвями. Я опустилась на колени, достала нож и срезала несколько стеблей у самой земли. Память подсказала: рвать с корнем нельзя, иначе на следующий год не ничего не вырастет. Под пальцами листья оказались холодными, почти ледяными, как металл зимой. По коже пробежали мурашки. Я уложила стебли в корзину и переложила тряпицей.

Остальные травы нашлись быстро. То ли везло, то ли прежняя Диана знала эти места так хорошо, что моё неуклюжее тело шло по её следу само. В корзину ложились пучки пахучих стеблей, скрюченные, как старушечьи пальцы, корешки и крохотные белые цветы на трёхгранных стебельках. Всё, что было в списке. Даже не верилось.

Через час, а может, и больше, я распрямилась, вытерла лоб рукавом и опустилась на валун. Спина ныла, в висках тихо гудело, но на губах играла улыбка. Я справилась сама, и это было чертовски приятно.

Отвинтив крышку фляжки, я сделала глоток. Вода, правда, нагрелась, но это было неважно — слишком хотелось пить. Утолив жажду, поднялась.

— Домой-домой, скорее к Тео, — сказала я вслух, и лес ответил шорохом листвы.

Обратный путь давался легче. Корзина потяжелела, но эта тяжесть была приятной, у меня получилось найти травы, я справилась. А может, дело было в другом: ноги сами знали дорогу. Меня словно вело: то влево, на незнакомую тропку, то вправо, в обход оврага.

— Спасибо, Диана, — пробормотала и тут же услышала визг.

Тонкий, пронзительный, полный такого ужаса и боли, что сердце пропустило удар. Не звериный крик... Детский? Так кричат дети, когда им по-настоящему страшно.

Я замерла. Корзина качнулась на локте, пучок сильверры едва не выпал.

«Не ходи, не лезь. Ты не знаешь, что это, ты не знаешь этот лес, ты не знаешь даже собственного тела до конца. Что ты можешь без магии?».

Всё это пронеслось в голове за одно мгновение.

А потом визг повторился, и я побежала.

Ветки хлестали по плечам, ноги путались в незнакомой траве, что-то хрустнуло под каблуком и покатилося в сторону. Я бежала на звук, туда, где истошно, захлёбываясь собственным криком, визжало живое существо.

Поляна открылась передо мной рывком, словно кто-то раздвинул занавес.

Земля была примята, трава вырвана клочьями, на серых камнях темнели брызги крови. И посреди этого хаоса шёл бой.

Я застыла, не в силах отвести взгляд.

Чёрный зверь был огромен, в полтора волка, не меньше. Под короткой лоснящейся шкурой ходили жгуты мышц, а на загривке вздымалась костяная пластина с шипами по краю, будто шлем. Пасть была распахнута, и из неё вместе с низким рыком тянулась нить розовой от крови слюны.

Его противником, а скорее жертвой был белый крылатый зверь, размером с крупную собаку. Пух на груди слипся от крови — своей или чужой, не разобрать. Одно крыло, полупрозрачное и перепончатое, трепетало за спиной, второе висело подбитое. Зверь шипел и огрызнулся, но силы были слишком неравны. Чёрный не торопился. Он играл — теснил к валуну, отрезал, обходил по дуге, и белый пятился, приседая на задние лапы.

И тут я увидела нити.

Сначала подумала: мерещится, от страха и бьющего в груди адреналина. Но картинка не уходила. Стоило прищуриться, она становилась только чётче, будто на реальность легла прозрачная калька с чертежом.

По телу чёрного зверя тянулись тонкие, жёлтые, пульсирующие линии. Они шли не по воздуху, а внутри тела, как провода в изоляции, и выходили наружу только там, где он мог ударить: у пасти, у когтей, у костяного нароста на загривке. Я видела их так же ясно, как когда-то видела схему импульсной установки на лекции у Виктора Палыча. Силовые каналы. Магистраль, по которым течёт энергия.

Передо мной была схема.

В голове щёлкнуло, будто кто-то перевёл рубильник. Страх не ушёл, но отступил на полшага, освобождая место привычной собранности, у любого контура есть источник.

Я проследила линии взглядом. От пасти жёлтые нити уходили к шее, раздваивались, огибали мышцы челюсти и снова сходились глубже, под костяным наростом на темени. Там, в самой сердцевине костяной короны, пульсировал узел. Плотный, яркий, куда насыщеннее остальных линий, словно сердце всей этой сети. От него расходились волны, и каждая гнала по нитям новый разряд в тело белого зверя.

Их разряды сталкивались, но силы были неравны. Бледно-голубая сеть жертвы была тонкой, почти прозрачной, будто нарисованной слабым раствором медного купороса, и жёлтые разряды прожигали её насквозь. Один разрыв, другой. Белый зверь кричал, потому что его магию выжигали.

— Источник, — прошептала я, и голос прозвучал глухо, как сквозь вату. — Если заблокировать источник, вся сеть ляжет.

Я подняла руку. Пальцы дрожали, взгляд скользил по узлу под костяным наростом, и я понимала: знаю, как это замкнуть.

Я мысленно обхватила узел пальцами. По-настоящему я не двинулась с места, но там, где жили линии и токи, моя ладонь легла точно на пульсирующий центр. И я сжала.

Чёрный зверь взвыл — длинно, муторно, до заложенных ушей. Схема перед глазами дрогнула, линии заметались, словно ток искал выход и не находил. Жёлтые нити гасли одна за другой, скручивались, истончались. Цепь рвалась, и энергия, не имея больше пути, была обратно.

Чёрный крутился на месте, мотал башкой, царапая когтями воздух. Его магия, что была оружием, пропала в одно мгновение. В жёлтых, с вертикальным зрачком глазах мелькнул ужас.

Белый зверь, пошатываясь, поднялся на лапы. Одно крыло волочилось по земле, пух на боку слипся от крови, но уцелевшие голубые нити его магии вспыхнули ярче. Он зашипел и сделал шаг вперёд, потом ещё один.

Чёрный попятился, поджал хвост и, припав к земле, пополз назад. Он скулил.

Белый сделал третий шаг, и чёрный не выдержал. Рванулся в сторону, ломая кусты, и исчез в зарослях. Треск веток покатился по лесу.

На поляне стало тихо.

Глава 7

Белый зверь постоял ещё мгновение и осел на траву. Его бледно-голубые линии едва теплились, но не гасли. Жив, и магию не потерял — радость разлилась по телу.

Не понимая, как у меня получилось вмешаться в чужую магию, я опустила взгляд на свою ладонь. Пальцы ещё дрожали; осторожно, словно боясь обжечься, потёрла их друг о друга и не почувствовала ничего особенного.

Подняв глаза на зверя, вздрогнула: магические линии исчезли. Неужели он всё же потерял магию? То ли от испуга, то ли по другой причине, но схема вновь вспыхнула перед глазами. Возможно, мне нужно сосредоточиться, чтобы увидеть чужую магию?

Сделав несколько глубоких вдохов и успокоившись, увидела, что и схема, и магия вновь пропали.

«Ух! Оказывается, всё же у меня есть плюшки в новом мире! Как я обесточила того чёрного, словно выдернула штекер из розетки!»

Что мне сейчас делать? Тихонько уйти и больше не вмешиваться в чужую пищевую цепочку, в которой и я по своей доброте могу оказаться?

Но не успела сделать и шага, как белый зверь медленно поднял голову, с трудом открыл глаза и посмотрел на меня. Даже потрёпанный, он был красивый; особенно завораживали огромные круглые сиренево-голубые глаза, опущённые длинными ресницами.

Взгляд его был осмысленным и, кажется, благодарным.

— Спасибо, — от раскатистого баса я вздрогнула и чуть не вскрикнула.

И вот тут, без преувеличения скажу, мне захотелось бежать, теряя тапки и самоуважение. Этот зверь говорил, и не просто говорил — его голос был усилен, словно через рупор.

— Пожалуйста, всегда пожалуйста, — шептала, пятясь назад, в колючие кусты. Ветка царапнула по локтю, за юбку что-то зацепилось; я дёрнулась, услышала треск ткани, но не остановилась.

— Не бойся, — его голос потерял эффект громкоговорителя, став совсем тихим. — Подойди.

— Нет, спасибо, выздоравливайте, — пробормотала и, сильнее сжав ручку корзины, направилась в сторону дома.

Солнце припекало в макушку. Где-то неподалёку стучал дятел — упорно, как будто ему за это платила кукушка, которая не переставала куковать где-то там же. Из них получился неплохой дуэт, но лучше бы оба молчали.

В голове всё крутилась мысль: правильно ли я поступила? Вдруг могла перевязать раненое крыло? «Ага, — тут же отвечала сама себе, — милый вид не всегда означает, что зверь безопасен». Я выбрала помочь тому, кто кричал и страдал. А что, если ситуация была совершенно противоположной? Что, если именно белый напал на чёрного и, не рассчитав сил, проигрывая, начал звать на помощь? А тут я, с проснувшейся магией.

Из дум меня вывел толчок в ноги. Вскрикнув, еле удержала равновесие; оглянувшись, увидела белого зверя — он, тяжело дыша, обхватил передними лапами мою ногу.

— Помоги, человек, теперь ты несёшь за меня ответственность, — в его огромных глазах плескалась надежда. — Раз ты меня спасла, то теперь моя жизнь полностью в твоих руках. Отныне я принадлежу тебе.

— Что за бред? — прошептала, наблюдая, как белоснежный зверь падает в траву.

Я опустила на колени и заметила, что подол моего платья не только стал грязным, но и порвался в двух местах. Солнце перевалило за полдень, меня ждали дома, а тут под ноги неожиданно свалилось счастье в виде дикого зверя.

— Сколько же ты вешишь... — кряхтя, подняла потерявшего сознание беднягу. — Донесу ли до дома? — Зверь обмяк у меня на руках, голова мотнулась, я подхватила её ладонью, прижала к плечу. Корзинка больно впилась ручкой под локоть, заставив меня зашипеть. Сделав с десятков шагов, остановилась и привалилась спиной к сосне. Перехватила ношу поудобнее и вновь пошла.

Что теперь скажет мачеха? Пустит ли в дом с этим?.. Кем бы он ни был? Но раз умеет разговаривать... Ой, а вдруг это маг-оборотень? Сейчас притащу в дом незнакомого мужика. Да нет, он бы сразу сказал, что человек, так было бы больше шансов получить от меня помощь.

Пух под пальцами был мягче всего, что я когда-либо трогала, мягче кроличьего меха или лебяжьего пуха. Неожиданно из горла зверя вырвался тихий курлыкающий звук, не то вздох, не то стон.

— Ну и что мне с тобой делать, чудо? — прошептала, вздыхая, и голос дрогнул.

Из последних сил я перевалилась через штакетник, оставив зверя лежать в траве. Не могу же я так заявиться, нужно спрятать его до поры до времени.

Не успела открыть дверь, как услышала пронзительный вскрик:

— Что с тобой случилось?

Я в удивлении подняла глаза на Виенну. Она что, беспокоится обо мне? Сегодня дождь пойдёт?

— Траву собрала? — Мачеха дёрнула на себя корзинку, заглянула внутрь и выдохнула. Уже уходя в сторону кухни, обернулась и произнесла: — Приведи себя в порядок, на кого ты похожа! Кровь, платье рваное!

Я мысленно хмыкнула, провожая взглядом её спину. Смотри-ка, кровь заметила, но даже не спросила: «Доченька, ты не ранена? Кто напал? Не вызвать ли доктора?» Змея подколотная. Сухарь столетний. В голове крутились эпитеты посерьёзнее, но я не хотела ими марать свои мысли.

— Диана, как же так, — выдохнула Бригитта, выходя из кухни. Похоже, мачеха её выгнала оттуда, собираясь варить лекарство для Тео. — Ты ранена? Где, как такое случилось? Лес же спокоен.

— Не ранена, Бритта, не беспокойся, это не моя кровь.

— А чья? — В испуге кухарка сделала шаг назад.

— Одного белого зверя с крыльями. Бритта, помоги мне, его нужно куда-то спрятать, пока он не поправится.

Женщина побледнела и охнула.

— Ты что, в дом принесла лесного зверя?

— Он не просто зверь, он умеет говорить, — прошептала я, начиная нервничать. — Разве можно разумного бросить умирать в чаще?

Про проснувшуюся у меня магию я промолчала.

— Но говорят только высшие звери... Ты кого принесла, дурёха? — неожиданно выдала служанка, скорее всего, от испуга за меня перейдя на «ты».

— Он чуть больше собаки, белый, с мягкой шерстью, как у кролика, и белоснежными крыльями.

— Не знаю такого, — задумчиво ответила Бритта. — На ум приходят только дикие драконы, но в нашем лесу?.. Маловероятно. Госпожа, несите его к запасному входу, а оттуда в постирочную, пока никто не видит.

Глава 8

— Клянусь короной! Это ж пуховый дракон... Белый, живой... — она с восхищением смотрела на зверя. — Откуда в нашем лесу?

Зверь лежал в большой корзине, я на всякий случай прикрыла его грязным бельём.

— Уф, получается, хорошо, что я его спасла? На него напал чёрный... — и я рассказала, как выглядел зверь, которого я лишила магии.

— Что ты сделала? — Бритта тут же схватила меня за плечи. — Ты лишила какого-то зверя магии? Но как?

Я поняла, что на эмоциях, потеряв контроль, проговорила.

— Сама не знаю, Бритта, — мой голос почти не было слышно. — Оно само получилось, раз и появилась схема, а в них, — я ткнула пальцем в дракончика. — Я увидела светящиеся линии, меня словно кто толкнул, подсказал, что нужно сжать, я и сжала. Бритта, молю, никому не рассказывай, что во мне неожиданно проснулась магия. Боюсь...

— Правильно деточка боишься, правильно, никому не будем рассказывать, — Бритта подняла тряпку и начала осматривать зверя. — Твоя мачеха очень до денег охоча, — кухарка, нервничая вновь перешла на «ты». — Сразу найдёт тебе жениха побогаче. Продаст одним словом, и не поморщится, — с её губ сорвался грустный вздох. — И лорд не заступится, ты же знаешь, он почти не выходит из кабинета.

— Что там, выживет? — любопытствовала, наклоняясь к дракончику.

— Шансы есть, — Бригитта поднялась, вышла и через некоторое время вернулась с белыми тряпками и какими-то травами. — Ничего, сейчас крыло перевяжем, поправится, вновь полетит.

Мы в четыре руки промыли раны, дракон стал походить местами на мумию, на крыле бинты из тряпок, живот перебинтован.

— А чем кормить? Дикие драконы наверно хищники? — спросила, поглаживая раненого зверя по голове.

— Ха, где мы ему мясо возьмём в чистом виде, если только кости после ужина. Придётся, пока не поправится, есть что дам. А там, милости просим в лес.

— Только бы из семьи кто сюда не зашёл.

Бритта рассмеялась.

— Да кто сюда зайдёт? Леди Виенна последний раз заглядывала так давно, что я уж и не припомню, а дочери её и вовсе тут носа не показывали. Ох, леди Диана, видать, крепко вы головушкой приложились, раз такие мелочи из памяти повывлетали. А... а ну как падение с лестницы вам магию-то и разбудило? — она вцепилась в мои ладони. — Посмотрите. Тем самым взглядом, на меня посмотрите. Вдруг снова линии увидите.

Я заколебалась, но любопытство пересилило.

— Хорошо. Только стой смирно.

Я прищурилась, сосредоточилась, зачем-то вдохнув, задержала воздух в груди, представила перед собой магические линии и выдыхая, пошире открыла глаза. И... мир снова расслоился.

Перед глазами, поверх Бритты, проступила схема. Самый настоящий чертёж, с узлами, дорожками и обозначениями. Только здесь на месте транзисторов и конденсаторов горели живые точки, а медные проводники сменились светящимися магистралями.

Я на мгновение зажмурилась, проверяя, не мерещится ли. Нет, схема на месте, хоть сейчас садись и разводи плату.

Всматриваясь, я поняла, что у каждого живого существа магические линии отличаются и по толщине, и по свечению. Вот у чёрного зверя были толстые налитанные жёлтые жгуты, у раненого белого дракончика мерцали тонкие голубоватые ниточки, а у Бригитты...

Всего два проводника. Бледные, едва подсвеченные, они тянулись от маленького накопителя размером с горошину, висевшего в районе солнечного сплетения. Я опустила взгляд ниже и заметила странность: от горошины тянулся ещё один магический проводок, да только он не работал — словно пережатый у самого ядра. Да и шёл он странно: в районе колена делал петлю и возвращался обратно.

Даже если я покопаюсь в схеме и осторожно убегу пережатие, загиб-то никуда не денется, и ток, ой, то есть магия, будет по кольцу возвращаться в ядро.

— Можно попытаться и разорвать петлю, и убрать зажим, — подмигнула я бледной Бритте и потянулась к чертежу, висевшему перед глазами. — Так, сначала пережатие...

Если бы меня сейчас спросили, как я это сделала, ответа бы не получили. Всё, что я почувствовала, это тепло на кончиках пальцев. А потом на схеме исчезло пережатие, и магия потекла по новому руслу. Мне самой стало жарко, на лбу, кажется, проступил пот. Но оставалось ещё одно дело.

Осторожно, словно пинцетом, я двумя пальцами разорвала петлю и провела дорожку дальше, туда, где она обрывалась едва заметным пунктиром. Контакт замкнулся, цепь выпрямилась.

— Тепло, — вдруг выдохнула Бритта и схватилась за колено. — Леди Диана, тепло пошло! В ногу, в самую ступню! Никогда такого не было...

Я хотела ответить, но схема погасла, а вместе с ней потемнело в глазах.

Последнее, что я услышала и почувствовала, вскрик Бритты и её руки, подхватившие меня раньше, чем я успела упасть.

Я пришла в себя от лёгких похлопываний по щекам и брызг воды на лице.

— Что ж ты себя не бережёшь, — простонала Бритта и тут же сама себе ответила: — Никто ведь не рассказал, не научил, что магию нельзя выжимать дочиста. Так и слечь недолго. Леди Виенну-то понять можно — она ради сына из себя последние капли тянет, а после трое суток с постели не поднимается.

Я застонала, провела ладонью по мокрому лицу.

— Что со мной?

— Очнулись, леди, слава всем богам! В обморок вы упали, от магического истощения. Зато теперь хоть предел свой знаете. Уж постарайтесь больше так не надрываться. Накопитель у вас слабенький, его потихоньку развивать надо. Я ведь, помню, в детстве и ложки сдвинуть не могла — вот какая хилая была. А теперь и посуду переваю, и полотенца в один миг высушу, и огонь разведу. Иной раз всю посуду за раз переваю, и ничего. Так и вы, леди: помаленьку, день за днём, а через несколько годков и сильнее станете.

— Спасибо, утешила, — я села и привалилась к холодной стене.

Бритта оглянулась на дверь и зашептала:

— Только магия-то у вас и так сильная. Молю, никому не рассказывайте. А то ведь не просто замуж отдадут — торги устроят. Сами знаете, что такое торги — дело недоброе. И магия у вас даже не лекарская, а... — она задумалась, шевельнула губами. — Вы магический лекарь. Скажу вам, леди: ныло у меня вот тут, в колене, давно ныло. А сейчас, будто всё на места встало. Не слыхала я о таких лекарях, чтоб и рисунки видели, и цвет магии различали. Берегите свой секрет, леди. И себя берегите.

Глава 9

За моей спиной тихо закрылась дверь постирочной. Я прислонилась к стене и на мгновение прикрыла глаза. В висках гудело. Столько всего случилось за день, что даже страшно было поверить. Неужели это и правда происходит со мной? Я оттолкнулась от стены, но не успела сделать и шага, как услышала окрик.

— Диана!

Резкий, требовательный окрик пригвоздил меня к месту.

Стуча каблучками по паркету, ко мне спешила раскрасневшаяся Люсиль. Она походила на фарфоровую куклу, которую кто-то завёл ключом до упора: локоны подпрыгивали в такт шагам, в пальцах подрагивал край юбки.

— Ты постирала вещи? Несколько дней отдыхала! А сегодня ещё и в лес бегала, — она словно обвиняла меня и в падении, и в том, что я полдня собирала лекарственные растения. — Чего молчишь? — подозрение в её глазах обретало ядовитый оттенок. — Да ты даже не начинала?

Ухватившись за косяк, я медленно выпрямилась, мир слегка поплыл перед глазами.

— Стирка будет, — голос прозвучал хрипло. — К утру всё высохнет.

— К утру? — сестрица всплеснула руками. — А я, по-твоему, должна ждать до утра?

Она шагнула вперёд и, не глядя на меня, потянулась к дверной ручке. Просто так, привычным хозяйским жестом: проверить, не соврала ли прислуга. За дверью, в корзине, накрытый грязным тряпьем, спал белый дракон. И если он сейчас издаст хоть звук...

Я перехватила её руку. Пальцы сомкнулись на тонком запястье, унизанном серебряными браслетиками. Люсиль замерла, уставившись на мою ладонь.

— Ты что себе позволяешь? — прошептала она изумлённо.

— Там мыши, — я сказала первое, что пришло в голову. — Бритта заливает полы щёлком. Зайдёшь — испачкаешь туфли.

Избалованная Люсиль выдернула руку и брезгливо одёрнула задравшийся манжет.

— Вечно у тебя тут грязь, — процедила Люсиль. — К утру, говоришь?

— К утру. Непременно к утру.

Несколько секунд она сверлила меня взглядом.

— То-то же.

Отвернувшись, собираясь уходить, и вдруг остановилась. Посмотрела через плечо на моё платье с вышивкой по подолу. То самое, что ещё утром висело в постирочной.

— Это старьё, — сестрица небрежно ткнула пальцем в мою сторону, — можешь оставить себе. Мне больше не нужно. И розовое дарю.

Я промолчала.

— Скоро мой день рождения, — Люсиль разглядывала свои идеально отполированные ногти. — Тётушка Арабелла обещала взять меня в столицу.

Голос её поплыл, размяк.

— В Альвароне мне купят новые платья, — она загибала пальцы, наслаждаясь каждым словом. — Шляпки да туфельки. Изящные, из самого модного салона. Не то что здешнее старьё. А ещё...

Она медленно осмотрела меня с головы до ног.

— Мы с сестрой пойдём на бал. На императорский бал, слышишь? Ах, какой шанс подыскать выгодного жениха.

Я молчала. Где-то в постирочной капала вода. Кап... кап...

Люсиль улыбнулась. Улыбка у неё была мамина, тонкая, холодная, с той же гаденькой складкой у переносицы.

— Как жаль, — протянула она, — что такой девице без магии не удастся туда заглянуть даже одним глазком.

Сестрица вздохнула и прижала ладонь к груди.

— Ой, бедняжка. Придётся тебе довольствоваться тем женихом, которого отец приведёт. Если приведёт, конечно.

Она крутанулась на каблуках и поспешила прочь. Шаги стихли.

Я медленно выдохнула и усмехнулась.

Нужны мне сейчас их балы да платья. С новой жизнью бы разобраться. Пока меня всё это только пугает.

Я отлепилась от стены и побрела к лестнице. Ноги гудели.

В комнате было тихо. Через пыльное стекло сочился закатный свет.

Туфли стащила, не развязывая, просто сбросила с пяток. Снять платье не было сил, так и рухнула на кровать лицом в подушку.

Я закрыла глаза.

Десять минут. Всего десять минут полежу.

Дверь скрипнула.

— Леди Диана, — позвала Бритта негромко.

Она вошла боком, придерживая локтем поднос.

Комнату тут же наполнил густой, мясной аромат, с тёплой нотой тимьяна и жареного лука. Желудок отозвался раньше, чем я успела открыть рот: заурчал неприлично громко на всю комнату.

Бритта, посмеиваясь, поставила поднос мне на колени, прямо поверх одеяла. Жаркое исходило паром, мясо разварилось до волокон, картошка пропиталась соусом, и вся эта красота была щедро посыпана крупно порубленной зеленью.

— Сил вам надо набираться, леди Диана, — Бритта села на стул у изголовья, сложив руки на коленях, как примерная ученица. — После таких-то дел. Обморок — это не шутка. Я вон в детстве раз перестаралась, три дня с постели не вставала. А вы ничего, молодцом. Ешьте давайте.

Я взяла ложку. Первый же кусок обжёг нёбо, я зашипела, но остановиться уже не могла. Еда была простая, но до чего же вкусная.

Бритта молча смотрела, как я уплетаю жаркое, и улыбалась. Потом стрельнула глазами в сторону двери и придвинулась ближе:

— Леди Виенна сварила лекарство, Тео выпил, сейчас спит. Лихорадка спала.

Я кивнула, не переставая жевать.

— Хозяйка дома теперь у себя, — продолжила Бритта. — Отлёживается. Выжала себя досуха, бедная. После такого лекарства она дня два-три не встанёт. Так что никто вас сегодня не потревожит. Можете спать спокойно.

Я отправила в рот последний кусок. В желудке приятно потеплело. Веки потяжелели.

— А как же... дракончик? — язык заплетался.

— Так и быть, — Бритта забрала поднос с моих колен, — за ним ночью сама присмотрю. Вы спите, леди Диана.

— Умыться бы, — пробормотала, пытаясь подняться. Ноги не слушались.

Бритта помогла дойти до ванной, подождала, пока я плесну в лицо холодной водой, и отвела обратно. Как стягивали платье — помню смутно. Лицо коснулось подушки, и я выключилась.

Не знаю, сколько прошло времени. Может, час, а может, три, но что-то меня разбудило — будто иголкой кольнули в бок. Резко сев в кровати, я услышала тонкий сдавленный стон.

Глава 10

— Тео, — имя сорвалось с губ, когда я вновь услышала стон.

Забыв надеть тапочки, я побежала в комнату брата. Внутри пахло лекарствами. Тео метался по простыне, как пойманная в силки птица. Одежда сбилось в ноги, рубашка прилипла к взмокшей груди, тёмные вихры на лбу свалились в мокрые сосульки. Дыхание выходило короткими, рваными толчками. Тонкие пальчики цеплялись за простыню, сжимались в кулак и тут же разжимались.

Я опустилась на колени у кровати и положила ладонь ему на лоб.

Горячий. Под прозрачной кожей у виска часто-часто билась голубая жилка.

— Тише, солнышко, сестрёнка пришла, всё будет хорошо, — прошептала, не зная, что делать. — Тише.

Значит, варева Виенны хватило лишь до ночи.

«Только посмотрю, — твёрдо сказала себе, не переставая гладить Тео по голове. — Только посмотрю, делать ничего не буду».

Я глубоко вдохнула, задержала воздух, представила перед собой схему и выдохнула.

Мир послушно расслоился.

Внутри у меня всё опустилось. Малыш, да как ты вообще держишься.

В центре, там, где у Бритты висела бледная горошинка, у Тео полыхал тяжёлый накопитель. Плотный, перенасыщенный, раздутый, как воздушный шар, который вот-вот лопнет. По стенке ядра ходили волны, было видно, как изнутри его распирает. Он пульсировал толчками: вспышка, тёмная пауза, снова вспышка, и каждая сильнее предыдущей. Так ведёт себя конденсатор, который держат под напряжением выше номинала. Долго не выдержит.

От ядра во все стороны расходились магические каналы. Их было много, десятка полтора, может, и больше. Тонкие, толстые, ветвистые, как корни старого дерева. У здорового мага магия ровными ручейками разбегалась бы по этим дорожкам, до самых кончиков пальцев, куда ни позовёт хозяин.

У Тео работал один-единственный.

Все остальные дорожки были наглухо запаяны у самого ядра, словно кто-то прошёлся по плате с паяльником и заглушил выводы. Магии физически некуда было идти. Она набивалась в накопитель, копилась, давила изнутри. Ядро раздувалось до предела и сбрасывало часть заряда в единственный открытый канал.

Но и тут была беда.

Я скользнула взглядом по единственному рабочему проводку и поморщилась. Он шёл от ядра вверх, к плечу, и где-то на середине пути в стенке зияла прореха. Не разрыв, именно прореха, похожая на дефект изоляции. Магия, текущая по каналу, сочилась наружу через эту дырку и просто... растворялась в теле, не доходя ни до кожи, ни до кончиков пальцев. Расплачивался за это сам Тео: лихорадкой, потом, частым сердцем. Как провод с пробитой изоляцией греет всё вокруг себя, так и он сейчас грелся изнутри собственной утечкой.

«Провод с дефектной изоляцией, по которому всё равно пустили ток», — всплыла фраза в памяти. И точнее не скажешь.

Я закусила губу. Так, что делать?

Распаять заглушки разом, точно нельзя.

Если магия тут как у нас физика, а похоже, что да, то дальше всё просто. Каналы спали с рождения, ссохлись изнутри. Пусти поток резко, стенки не выдержат, порвёт. Магия уйдёт в ткань, не по руслу.

И это полбеды. Когда поток ударит в ссохшийся канал, по нему пойдёт отражённая волна, обратно в ядро. Как удар в стену отдаёт в руку. Открою второй канал, будет вторая волна.

Третий, третья. И все они придут в ядро почти разом, наложатся друг на друга, ударят в одну точку. Ядро лопнет.

Это если по физике моего мира. А тут магия. Может, тут так и делают, срываю всё разом, и хоть бы что. Не знаю. Я лечила только один раз, Бритту.

Хотя... какая разница, как тут делают. Я днём упала в обморок, а кухарка сказала, что нужно восстановиться, при всём желании не смогу помочь Тео.

Оставалось одно, самое простое и безопасное.

Залатать дырку.

В ядро не лезть, заглушки не трогать, новых дорог не прокладывать. Просто закрыть прореху на единственном работающем канале, чтобы магия, которую ядро всё равно выбрасывает, не уходила в пустоту, а доходила хотя бы до кожи. До рук, до выдоха. Хоть куда, лишь бы наружу.

— Это не лечение, — тихо успокаивала не то Тео, не то себя. — Это заплатка, чтобы стало немного легче.

На другое у меня сейчас просто не было сил.

Я облизнула пересохшие губы и подняла руку. Пальцы слегка дрожали.

— Прости, малыш, — мысленно потянулась к повреждённому месту на канале. — Сейчас, потерпи ещё чуть-чуть.

Это было... знакомо. Как в лаборатории, когда запаиваешь перемычку и ждёшь, пока припой ляжет ровно.

Пальцы двигались сами, в висящей передо мной схеме они аккуратно сводили края прорехи. Тепло бежало по ладоням, потом по запястьям и ускользало куда-то под ключицу, словно я сама подключилась проводами к этой цепи и теперь была её частью.

Стенка канала медленно, неохотно начала затягиваться. Дырочка сужалась, до прорези, до волосяной трещины.

И вот уже, выдохнув, я любовалась ровным, чистым проводником.

Не прошло и секунды, как улыбка сползла с моих губ.

Ядро будто только этого и ждало. Ахнуло и вышвырнуло в канал столько магии, что схема перед глазами полыхнула белым.

Тео выгнуло на постели дугой.

Глаза у него не открылись. Он просто запрокинул голову, открыл рот, и из его поднятой ладони, из растопыренных детских пальцев, вырвался поток. Не огонь, не свет. Что-то прозрачное, плотное, как горячий воздух над крышей в жару. Этот поток ударил в стену напротив кровати, туда, куда смотрела его рука.

Раздался глухой утробный звук, словно кто-то стукнул по штукатурке огромным кулаком.

Стена дрогнула, с потолка посыпалась пыль. А когда поток магии иссяк и волосы на моём затылке улеглись обратно, я увидела, что в стене, ровно над комодом, зияла глубокая, в полторы ладони, вмятина с расходящимися от неё лучами трещин, как от удара кувалдой.

В тот же миг Тео обмяк.

Спина расслабилась, плечи опустились. Запрокинутая голова мягко скатилась набок. Дыхание выровнялось, став глубоким и ровным.

— Успокоился, — вновь потрогала его тёплый лоб.

Я сидела на коленях у кровати, не в силах пошевелиться.

Меня трясло. Зубы выбивали мелкую дробь, на лбу выступил пот, и одна капля медленно скатилась по виску за ухо. В ушах глухо, как через подушку, бил собственный пульс.

Но главное было, что Тео спал.

С моих губ сорвался смех, похожий на всхлип.

— Заплаточка ты моя, — прошептала непонятно кому.

Я оперлась рукой о край кровати, чтобы подняться. Ноги дрожали. Сейчас тихонько доползу до своей комнаты, и пусть весь мир подождёт до утра.

Подняв глаза, забыла, как дышать.

В дверях, в тонкой ночной рубашке и с распущенными тёмными волосами, прислонившись плечом к косяку, стояла Виенна.

С тёмными синяками под глазами, бледная, со следами магической горячки после её собственного варева, она стояла на ногах буквально на одном упрямстве материнской тревоги.

Свеча в её руке мелко-мелко подрагивала.

Виенна смотрела на меня.

И по тому, как медленно, очень медленно расширялись её холодные тёмные глаза, я поняла: она видела всё.

Всё. От первого взмаха рукой до последнего стежка.

Свеча в её руке качнулась, и по стене побежала длинная, дрожащая тень.

Глава 11

— Тео стало легче, — всё, что смогла из себя выдавить в тот момент.

Виенна медленно приблизилась к кровати и села рядом с сыном.

— Иди спать, Диана, завтра поговорим.

Спорить или что-то сказать в ответ не было сил. Кивнув, еле перебирая ногами, двинулась в сторону своей комнаты. Холодный пол обжигал босые ступни, плечо то и дело задевало стену. Где-то в глубине дома часы пробили три раза, и звук отдался в голове тупой болью.

Думать о том, что сулит утро, не хотелось и не могло. Стоило голове коснуться подушки, как я провалилась в темноту.

Утро облегчения не принесло. Я попыталась повернуться на бок, и тут же замерла, прикусив губу: казалось, под кожей вместо мышц натянута раскалённая струна. Даже моргать было больно, солнце било в глаза сквозь неплотно задёрнутые шторы, и каждый его луч казался иглой. Три раза вчера использовала магию, и вот сегодня получала отдачу.

Где-то через полчаса дверь тихонько скрипнула, и в комнату заглянула Бритта с подносом в руках. Запахло травяным отваром и свежим хлебом.

— Леди Диана, я тут вам...

Она не договорила. А я, едва увидев её круглое, встревоженное лицо, вдруг почувствовала, как к горлу подкатывает горячий ком. Слезы хлынули без спроса.

— Бритта... проводи меня до ванной, — выдавила сквозь всхлипы. — Сама не дойду.

Поднос звякнул о тумбочку. Бритта, всплеснув руками, тут же бросилась ко мне.

— Леди Диана, деточка, как же так? Всё это магия, два раза за день потратились сильно, странно, что еще в сознании, — мы медленно шли до ванной комнаты, но поправлять, что не два, а три раза, я не стала.

После горячей ванны полегчало, я даже поела и вновь легла.

Долго отдыхать не дали.

Дверь распахнулась с грохотом, я вздрогнула всем телом и снова поморщилась от боли.

На пороге, как всегда не удосужившись постучать, с пунцовыми от негодования щеками, сжимая в кулаке мятую ленту, стояла растрёпанная Люсиль.

— Диана! Ты! Ты обещала, что к утру будут чистые вещи! Где они?

— Прости, но я заболела, подожди немного, я поправлюсь и всё перестираю.

— Я маме расскажу! Пожалуюсь, — по-детски пригрозила Люсиль, развернулась к двери и замерла. Там, опираясь на косяк, стояла Виенна.

— Выйди, доченька, нам с Дианой нужно поговорить, — глухо произнесла мачеха.

— Конечно, матушка, — Люсиль была счастлива, о чём тут же оповестила и меня. — Вот! Сейчас тебе достанется за то, что ты забросила свои обязанности, совершенно перестала убираться и стирать!

Договорила и растворилась в дверном проёме.

— О чём желаете поговорить, леди Виенна? Знаете, после вчерашнего я себя неважно чувствую. — И, тут же спохватившись, спросила: — Как себя чувствует Тео? Ему легче?

— Значительно легче, Диана, значительно, — она медленно прошла к единственному стулу в комнате, присела и молча уставилась на меня.

Мне стало некомфортно.

— Если есть что сказать, говорите. Не просто так же вы пришли в мою комнату.

— Как давно ты скрываешь свою магию, Диана? — она продолжала сверлить меня взглядом.

— Не скрывала я, сама лишь вчера узнала о ней. Ночью, — сглотнув, покосилась на стакан воды. — Услышала, как стонет Тео, и поднялась. А там... там само получилось... Увидела его ядро.

— Ядро? — глаза Виенны расширились. Она невольно подалась вперёд, вцепившись пальцами в подол платья. — Увидела?

— Да, оно в ужасном состоянии, магия не находит выхода.

— Какое оно... магическое ядро моего сына? — выдохнула Виенна.

— Очень большое, размером с детский кулак, пульсирует и выбрасывает магию в тело, поэтому Тео так больно.

— Стой, подожди, — Виенна сжала кулаки. — Ни один имперский магический лекарь в Вальсиноре не увидел и не смог помочь, а у тебя получилось. Но как? Как такое возможно? Ещё вчера пустышка, а сегодня сильный маг!

— Возможно, дар открылся после падения с лестницы.

— Не говори чушь! Если бы все, кто падали с лестницы, становились магами... Тут что-то другое. Но что? — Виенна со скепсисом отнеслась к моим словам.

— Не знаю, — а что я ещё могла сказать в ответ?

— Так, если ты видишь магическое ядро и умеешь на него влиять, то это значит... — она замолчала, и я увидела, как в её глазах загорается что-то жадное, отчаянное. Не радость даже — надежда, страшная в своей силе. — Ты можешь помочь Тео? Можешь же? — голос дрогнул, и она впервые за весь разговор посмотрела на меня не как мачеха на падчерицу, а как отчаявшаяся мать.

— По сути, могу попробовать, — несмело кивнула. — Только вы сами видите, как это на меня влияет. Плохо мне...

— Хм-м... вижу, — не стала отрицать мачеха. — Что ты хочешь в ответ за свои... страдания?

— Я помогу брату по мере моих сил, много не ожидайте, но думаю, что через какое-то время он перестанет испытывать боль. Я буду работать потихоньку. Но в ответ хочу, чтобы меня больше не дёргали и не заставляли работать по дому. Я леди и старшая дочь...

— Как заговорила, — прервала меня Виенна. — Не хочешь работать, а есть хочешь? Раз обрела магию, то решила, что можешь ставить условия? Не хочешь убирать в доме и стирать, найми служанку, никто не против.

— Наймите, — не менее нагло ответила мачехе. — Разве это не ваша обязанность?

Глаза Виенны опасно сузились, передо мной снова сидела расчётливая хозяйка дома, прикидывающая выгоду.

— Если отец узнает, что у его старшей дочери открылся такой редкий дар, то он сразу попробует выдать тебя замуж.

— Стоп! — я еле подняла руку вверх. — Взаимными угрозами мы можем далеко зайти, давайте по существу. Что вы предлагаете?

— Чтобы нанять служанку, тебе придётся работать. Время от времени принимать очень нуждающихся именитых граждан империи, — я попыталась возразить. — А взамен обещаю, что сегодня же в доме появится служанка. Первый месяц, так и быть, я оплачу из своего кармана. Но ты сама понимаешь, что от отца долго эту информацию не получится скрывать.

— Не получится, — задумчиво протянула в ответ, мысленно ища выход. Замуж за незнакомца, да и вообще замуж, пока не хотелось.

— Но я могу ему прорисовать перспективы: ты поднимаешь Тео на ноги, лечишь тех людей, которых я тебе привожу, деньги уходят нашей семье, — видя, что я нахмурилась, добавила: — Не бойся, с этого дня ты будешь восстановлена в правах, уж я позабочусь. Во-первых, тебе вернут все вещи, а во-вторых, ты, как и мои дочери, будешь получать небольшую сумму наличных, а если твоя магическая помощь окажется очень хорошей, то у тебя появятся новые

платья, гребни и всё, что захочешь. Но самое главное! — она пристально посмотрела мне в глаза. — К выбору жениха мы с твоим отцом подойдём более тщательно. Найдём молодого, именитого лорда.

— Подождите, к разговору о деньгах вернёмся, когда я начну работать, а остальные пункты меня устраивают... Кроме женитьбы. Пока я замуж не спешу, ещё года два хочу быть свободной и развивать свой дар.

— Но тебе уже... — Виенна удивилась. — Через два года женихов твоего возраста станет меньше. Неужели ты хочешь остаться старой девой?

— Не останусь, выйду замуж, но за того, кто мне придётся по сердцу. А теперь, если мы оговорили все пункты нашего договора, разрешите мне отдохнуть, глаза закрываются. От обеда не откажусь, передайте Бритте, чтобы в обед разбудила-накормила. Мой голос стихал.

Я не играла. Веки тяжелели, мысли путались, цепляясь друг за друга обрывками: служанка... платья... Тео... жених... Последнее, что я ощутила, — тихий шорох платья и едва слышный щелчок замка. А потом меня накрыло темнотой.

Глава 12

Виенна сдержала своё слово, и в этот же день в нашем доме появилась служанка.

В обед Бригитте не удалось меня разбудить. Она пробовала, но я на мгновение открыла глаза, отмахнулась от неё и вновь уснула, отказавшись есть. Я об этом не помнила, мне вечером Бригитта рассказала.

Бритта поставила передо мной глубокую тарелку, и от запаха тушёного мяса с травами у меня свело желудок. За окном уже синели сумерки, в саду тонко стрекотал сверчок.

Я набросилась на ужин с совершенно неприличной для леди жадностью. Ложка металась от тарелки ко рту, вкуса я почти не различала. Магическое истощение, видимо, требовало платы натурой, и платить я была готова сколько угодно, лишь бы перестало мутить.

— Ты не переживай, дракончика я перепрятала, — сообщила заговорщицким голосом Бритта.

Я едва не уронила ложку. По спине пробежал холодок: за день я успела почти забыть, что в этом доме, кроме меня и Бритты, есть ещё одна тайна. Белая, пушистая и крылатая.

Быстро прожевав, так же тихо спросила:

— Куда? А как он?

— Да кажется, потихоньку в себя начинает приходить, — ответила Бритта и неожиданно полезла под кровать.

Я чуть не подавилась едой, подумав, что дракончик там, но нет, кухарка подняла упавшую салфетку.

— Ты чего не ешь? — она хихикнула. — Ты подумала, что я туда дракона перепрятала? Нет, он бы не поместился под кроватью, а вот в шкафу место нашлось.

Я всё же закашлялась, когда Бритта распахнула дверцы. В старом шкафу, под моим скудным запасом из двух платьев, в корзинке посапывал спасённый мной дракончик, он шумно вздохнул во сне и подобрал под пушистый бок здоровое крыло. Перевязанное лежало неловко, чуть в сторону. На белой шёрстке у живота темнело розоватое пятно, там, где Бритта меняла повязку.

— Зачем?

В голосе вышло столько боли, что Бритта удивлённо вскинула брови.

— А куда мне было его девать? Новая служанка Роза, такая деятельная и хваткая, тут же потребовала всё ей показать, еле уговорила ее сначала чай выпить, вот я и растерялась. Меня, знаешь ли, никто не предупредил, что в доме прибавится прислуги.

Где-то в коридоре скрипнули половицы, и снизу донёсся бодрый, звонкий голос. Роза напевала, гремя вёдрами. Голос был молодой, чистый. Ещё одна пара глаз в доме Виенне на счастье. Не самое удачное время для тайн.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.